

ЛИТОВСКАЯ ТОПОНИМИКА И ГРАММАТИЧЕСКИЕ НОРМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Б. М. СИНОЧКИНА

Региональная специфика языка, функционирующего за пределами территории его исконного бытования, в немалой степени обусловлена активным использованием в речи иноязычной лексики — безэквивалентных апеллятивов и национальной ономастики. Вхождение их в принимающий язык в конечном счете подчиняется общим правилам заимствования, а степень освоенности заимствуемого имени зависит от целого ряда причин, как языковых, так и экстралингвистических: давности заимствования, частотности употребления, известности самого объекта номинации, характера генеалогических и типологических отношений между языком-источником и языком-реципиентом, путей и способов заимствования. При освоении иноязычного имени собственного в идеале преследуется цель сохранить своеобразие чужого языка, соблюдая при этом нормы родного. Выбор „своеобразие” или „норма”, если одно противоречит другому, принимающий язык в итоге решает в пользу нормы — таково требование системы. Однако путь этот не всегда бывает прост и прямолинеен, что, в частности, может быть показано на примерах функционирования литовских географических наименований в русском языке Литвы и за ее пределами.

Нормализаторская деятельность лингвистов по упорядочению иноязычной топонимики обычно ограничивается выбором оптимального (в смысле близости к источнику) фонетико-орфографического облика заимствуемого наименования и его кодификацией, что особенно важно в картографии. Расширяющееся международное общение выдвинуло на повестку дня проблему международной стандартизации географических названий, осуществление которой невозможно без предварительной нормализации географической номенклатуры внутри каждого языка [Комков, 1976, с. 6]. Однако „задача практической транскрипции иноязычных географических названий... — не перекладка букв разных алфавитов (транслитерация), не подстановка звуков разных языков (фонетическая транскрипция) и даже не перевод одних фонем в другие (фонематическая транскрипция), а передача слов одного языка, взятых во всей полноте их лексической, грамматической, фонетической и графич-

чешской характеристики, словами другого языка в соответствии с его законами, нормами его лексики, грамматики, фонетики и орфографии для введения в лексический состав данного языка” [Реформатский, 1960, с. 53].

В синтетических языках исходная форма осваиваемого топонима определяет и его возможности к словоизменению, поскольку именно она обуславливает в принимающем языке категорию рода, числа и отнесенности к определенному виду склонения. При заимствовании иноязычного топонима велико искушение „освоить” его морфологически, заменив конечные морфемы чужого языка своими, функционально аналогичными. Сравним две возможные формы передачи в русском языке чешского ойконима: *Ческе-Будейовице* и *Чешские Будейовицы*. Каждая из них обладает достоинствами: первая точнее передает оригинальное звучание западнославянского топонима, вторая понятнее и удобнее для употребления в синтаксически связанном тексте, поскольку склоняется (в *Чешских Будейовицах*, из *Чешских Будейовиц* и т. п.). В языках даже со сходным грамматическим строем могут складываться свои традиции освоения иноязычных имен собственных. Так, литовский язык гораздо более последовательно, чем русский, вовлекает в свою систему словоизменения разные по происхождению географические названия, адаптируя, если требуется, исходную форму. Ср.: *Suomi – Suotija*, *Дальний – Dainis*, *Сибирь – Sibiras*, *Черновцы – Černovcai*, *Великие Луки – Velikije Lukai*, *Katowice – Katovicai*, *Ровно – Rovnas*, *Sarajevo – Sarajevas*, *Missouri – Misurė*, *Monaco – Monakas*. За пределами словоизменения в литовском литературном языке остаются весьма немногочисленные иноязычные названия (*Šprė*, *Pu de Kale*, *Peru*, *Bilbao* и т. п.).

В русском языке, напротив, в последнее время прослеживается явная тенденция сохранять национальные особенности заимствуемого топонима, по возможности точно передавать его исходную форму, без ориентации на прокрустово ложе собственной грамматики. Ср. устаревшие русские формы иноязычных топонимов с их современными кодифицированными вариантами: *Лидицы – Лидице*, *Батум – Батуми*, *Ковно – Каунас*, *Рыконты – Рикантай*, *Троки – Тракай*, *Друскеники – Друскинйкай* и т. д. Род и число осваиваемого топонима, как уже отмечалось, определяются по формальным показателям в соответствии с нормами принимающего языка. Так, исходная форма топонимов *Нерис*, *Кайшядорис*, *Румшишкес*, *Шяуляй* в свете норм русского языка заставляет рассматривать их как существительные мужского рода единственного числа и предопределяет их изменение по мужскому субстантивному склонению. Языковой опыт подсказывает носителю языка, что слова *Дунай*, *Шанхай*, *Кустанай* и *Тракай* должны склоняться

одинаково. Попадая в чужую языковую среду, иноязычные топонимы начинают жить по ее законам [Реформатский, 1972, с. 330], как всякое заимствованное слово (ср. рус. *фабрика* – ж. р., *фрегат* – м. р. и лит. *fabrikas* – м. р., *fregata* – ж. р.).

Однако в отношении имен собственных эти требования все же менее жестки, а исключения из правил и вариативность многочисленнее. Так, формально однотипные ойконимы *Хельсинки*, *Нагасаки* и *Салоники* (*Фессалоники*) ведут себя в русском языке, вопреки ожиданиям, по-разному: два первых не склоняются, так как воспринимаются как формы единственного числа, а греческое *Салоники* изменяется как существительное *pluralia tantum*, хотя в языке-источнике *Saloniki* – существительное женского рода, единственного числа. Название одного из городов США *Лос-Анджелес* склоняется в соответствии с нормой, а название чилийского города *Лос-Анхелес*, как и некоторые другие латиноамериканские топонимы на *-с*, еще недавно считалось несклоняемым [Словарь, 1970, с. 288]. Зато склонявшиеся прежде топонимы *Сент-Хеленс* и *Сент-Олбанс* [Словарь, 1970, с. 323] теперь рекомендуется не склонять [Словарь, 1984, с. 726].

Недаром лингвисты, специально исследующие проблему функционирования топонимов в речи, приходят к выводу, что „в области склонения географических названий наблюдается много неясного, спорного и разноречивого” [Лабунько, 1964, с. 3]. И все же общее правило склонения географических названий в литературном русском языке может быть сформулировано следующим образом: несклоняемыми являются иноязычные топонимы с несвойственными русскому языку финалями (из топонимов на гласный регулярно склоняются лишь оканчивающиеся на неударяемый *-а*), не изменяются славянские названия на согласный *+ но* (*Ровно*, *Гродно*, *Гнезно*), остальные топонимы должны склоняться по определенному типу субстантивного либо адъективного склонения [Зализняк, 1967, с. 216–217].

Неизменяемость топонимов значительно возрастает в функции приложения при определяемом – родовом географическом термине. В конструкциях детерминант + топоним происходит как бы разделение функций внутри словосочетания. За именем собственным закрепляется только функция наименования, тогда как осуществление грамматической функции (связи топонима с другими словами в предложении) производится с помощью флективных форм географического термина [Граудина, 1981, с. 123]. Тенденция к несклоняемости порождается несопадением рода и числа номенклатурного термина (родового обозначения объекта) и топонима, а также желанием однозначно представить малоизвестное географическое название в исходной форме. „Неизменяемость при географическом термине – форма функционирования

топонимов разового или нечастого использования” [Селезнёва, 1972, с. 120].

Проследим за использованием литовских топонимов в литературно-письменном русском языке. В центральной прессе не слишком известные союзному читателю географические названия в функции приложения ведут себя как несклоняемые. Приведем примеры из публикаций в „Правде”: „расстрел людей в местностях *Райняй, Правенишкес*” (22.XI.88); „не заметить совхозного поселка *Юкнайчй* невозможно” (29.II.88). „Несклоняемость топонимов в функции приложения допускается литературной нормой и чаще всего диктуется стремлением к точности в передаче нерусских названий” [Граудина, 1976, с. 146]. Однако те же названия при автономном употреблении имеют формы изменения: „рассказать о конфликте в *Правенишкесе*” (11.XI.88); „сейчас в *Юкнайчяе* около 350 произведений искусства” (29.II.88). В языке центральных газет по мужскому субстантивному склонению последовательно изменяются все литовские топонимы, оканчивающиеся на согласный, в том числе на *й*: „домпсы для пернатых были доставлены сюда из *Вильнюса, Каунаса, Шакия, Тракая*” (Правда, 12.III.88); „органы революционной власти были созданы в *Каунасе, Шяуляе, Паневежисе, Мажейкяе, Тельшияе*” (Правда, 16.XII.88); „похороны в *Друскининкае*” (Правда, 18.III.88); „праздник на льду *Саргала*” (Правда, 7.III.87); „она по-прежнему живет в *Юстайчяе*” (ЛГ, 24.II.88)¹; „театры в *Шяуляе, Каунасе, Вильнюсе*” (ЛГ, 18.V.88).

Итак, в языке центральной печати литовские топонимы в зависимости от формальных показателей относятся к мужскому (*поезд из Вильнюса*) либо женс. ому (*дорога в Клайпеду*) субстантивному склонению, а слова с нехарактерными для данных склонений окончаниями причисляются к нулевому склонению, т. е. имеют лишь одну словоформу, а их род, согласно нормам русского языка, определяется по роду географического объекта, названием которого является данный топоним: *современный Плуңге* (город), *спокойная Воке* (река).

Подобное формальное разграничение, предопределяющее поведение топонимов в тексте, естественно для носителей русского языка, жителей Москвы, Саратова или, к примеру, Читы, для которых равно экзотичны и непонятны иноязычные *Сан-Андрес* и *Григизкес*. Этот же принцип положен в основу рекомендаций крайне необходимых, но пока немногочисленных справочных пособий. В новейшем из них [Словарь, 1984] топонимы *Эйшишкес, Дусетос, Ширвинтос* подаются как склоняемые, а при названиях *Тракай, Расейняй, Шяуляй* даже приводятся флексии родительного падежа.

¹ Здесь и далее названия газет даны в сокращении: ЛГ – „Литературная газета”, СЛ – „Советская Литва”, КГ – „Комьяунимо тес”, ВН – „Вечерние новости”.

Формально-грамматический подход к топонимам хорош тем, что гарантирует единообразие употребления, однако на практике следовать этой абстрактной общезыковой норме оказывается не так просто. В регионах, где иноязычные топонимы не утратили связи с языком-источником, их „исконные” параметры оказываются порой сильнее логики принимающего языка. Рассмотрим с этой точки зрения использование литовских топонимов в языке русскоязычных газет Литвы.

В случае, когда родовые категориальные признаки, определяемые формально, совпадают у литовских и транскрибированных русских слов, сочетание их в линейном ряду с другими словами затруднений и разнобоя не вызывает. Сложнее обстоит дело, когда литовский топоним, обладая формальным показателем мужского рода с точки зрения принимающего языка, является словом женского рода в языке-источнике. Такой топоним, вопреки нормам русского языка, обычно не склоняется, а при сочетании с другими словами ведет себя как слово женского рода. Ср. примеры употребления в русском тексте названия реки *Нерис*: „в *Нерис*... купаться нельзя” (ВН, 14.II.88); „на берегу *Нерис*” (ВН, 29.I.88); „*была* загрязнена *Нерис*” (ВН, 5.I.88); „весной *Нерис разлилась*” (ВН, 27.VIII.88).

Можно было бы предположить, что род русского слова *Нерис* обусловлен здесь женским родом термина *река*. Однако несклоняемым слово *Нерис* остается и в тех случаях, когда употребляется не как гидроним: „Теперь же администрация „*Нерис*” уволила его за прогул” (ВН, 29.I.88). Здесь *Нерис* – название машиностроительного завода. Ср. также название заметки „*Нерис*” *распахнула* двери” (ВН, 16.VI.88), где речь идет о названии туристического комплекса. Таким образом, несклоняемость слова *Нерис* объясняется его отнесенностью к женскому роду в литовском языке, что затрудняет его изменение по мужскому склонению в русском языке Литвы в условиях распространенного литовско-русского двуязычия. Исконную родовую принадлежность литовские топонимы сохраняют в языке республиканских газет вне зависимости от рода географического объекта: „Ерузале когда-то *была* пригородом Вильнюса” (ВН, 13.VI.87); „*Большая* Реше – старинный поселок” (ВН, 21.VI.88).

Обратимся теперь к категории числа литовских топонимов в русском языке Литвы. В литовском языке весьма распространены ойконимы, имеющие форму множественного числа существительных как мужского, так и женского рода: *Šiaulių, Druskininkai, Kaišiadorys, Rumšiškės, Širvintų*. В адаптации таких наименований к грамматической структуре русского языка ощущается явное „сопротивление материала”. В языке республиканских средств массовой коммуникации такие наименования в подавляющем большинстве случаев не только не изменяются по паде-

жам, но и осмысляются как формы множественного числа, что для русского языка формально никак не мотивировано. Исключение составляют лишь литовские топонимы на *-ys*, которые в транскрибированном виде совпадают с формами на *-is*, *-ys* единственного числа: *таран под Шяуляй* (СЛ, 22.VI.85); *музыка на концертных площадках Друскининкай* (СЛ, 7.VI.85); *20 лет со дня переселения Румшишкес* (СЛ, 21.I.80); но в *окрестностях Кайшядориса* (СЛ, 5.II.80). Ср. также: „Эти маски привезены... из окрестностей Тельшяй, Шяуляй, Швенчёниса” (ВН, 6.II.89). Последний пример особенно наглядно демонстрирует различное функционирование в русском языке литовских топонимов *pluralia tantum*.

Если относительно топонимов на *-ай*, *-яй*, *-ес* мы констатируем их принципиальную несклоняемость, то ойконимы на *-ос* ведут себя по-разному, иногда сохраняя неизменной исходную форму наименования, а иногда склоняясь по мужскому субстантивному склонению. Ср.: *гонки в Дусетосе* (СЛ, 3.IV.87); *выставка в Ширвинтосе* (СЛ, 31.III.80); *собраться в Дусятос* (предложный падеж, КТ, 5.III.85); *дорога из Ширвинтос* (ВН, 17.IV.87).

Выбор склоняемой или аналитической формы ойконима в языке республиканской периодики зависит от двух факторов: от степени известности топонима, его большей или меньшей экзотичности для русского читателя (тенденция к аналитичности малоизвестных топонимов проявляется в русском языке достаточно широко), а также от традиций конкретного издания. Так, по нашим наблюдениям, „Советская Литва” строго следует грамматическим нормам современного русского языка в передаче безэквивалентной литовской лексики, чем двуязычные издания, где большинство материалов представляет собой перевод с литовского.

Ту же картину наблюдаем и при определении формы числа заимствованных топонимов. В „Советской Литве” число обычно определяется по адаптированной форме слова: „Растет *новый Румшишкес*” (СЛ, 21.I.80). „*Чем прославился наш Мажейкяй*” (СЛ, 13.II.80). „*Жители моего родного Тельшяй*” (СЛ, 23.VII.88). Однако и здесь возможна вариантность. Так, в пределах одной заметки читаем: „*Была и другая жизнь в старых Мишайчяй*”. Но далее: „*Диетическим мясом оно (хозяйство. — Б. С.) обеспечивает не только соседний Куршенай...*” Названия городов чаще ведут себя как аналитические формы единственного числа, а названия деревень — как множественного. Ср. в других изданиях: „*Где находится Кедайняй?*” (КТ, 17.I.89). „*Мысли не давали покоя и по дороге в отдаленные Валькининкай*” (События и время, 1987, № 23). Названия новых микрорайонов Вильнюса выступают как формы множественного числа в языке всех республиканских изданий: „*На все*

Юстинишкес всего один пункт, где принимают белье в стирку” (ВН, 23.IV.87) . „Как обстоят дела в тех же Вишулишкес?” (СЛ, 7.VII.85) . Ср. также вильнюсский топоним, сочетающий транскрипцию с переводом: „По той же причине невозможно сейчас организовать маршрут из Шяцкине в Нижние Панеряй” (ВН, 6.V.87) . Такое сохранение исконого числа транскрибированными формами поддерживается скорее всего наличием и широким бытованием в некодифицированной устной речи русских жителей Литвы параллельных морфологически адаптированных форм (старых названий деревень) типа *Юстинишки, Вишулишки, Панары*.

Комиссия по литовскому языку при АН ЛитССР недавно кодифицировала сложившуюся „местную норму” и постановила считать транскрибированные литовские топонимы, имеющие форму множественного числа, неизменяемыми и не склонять их в русском языке: *был в Шяуляй, живет в Тракай, переехал из Дусетос* (Геса, 31.I.88) . Необходимость нормализации практики употребления регионализмов в республике очевидна. Данное постановление знаменует, видимо, лишь начало деятельности в этой области. Так, оно не охватывает всех типов литовских топонимов *pluralia tantum* (не ясно, в частности, считать ли несклоняемыми и ойконимы на *-ys* типа *Кайшядорис, Швенчёнис*), не устраняет вариативности в определении рода и числа транскрибированных названий (*голубой Нерис* или *голубая Нерис, Старый Тракай* или *Старые Тракай*) . Эти вопросы еще предстоит решить совместными усилиями русистов и литуанистов с учетом как норм русского языка, так и сложившихся в регионе традиций употребления.

LITHUANIAN PLACE-NAMES AND THE PRESCRIPTIVE GRAMMAR OF RUSSIAN

B. SINOCHKINA

Summary

The paper deals with the problem of some Lithuanian geographical names used in Russian texts. The usage of some Lithuanian place-names in all-Union and republican periodicals is being analysed from the point of view of Russian normative grammar. The noted variation in the usage of the borrowed place-names, which undoubtedly requires further investigation, is accounted for by the influence of the source-language.

ЛИТЕРАТУРА

Граудина, 1976 – Г р а у д и н а Л. К. Норма употребления топонимов с финалями *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976.

Граудина, 1981 – Г р а у д и н а Л. К. Современная норма склонения топонимов (в сочетании с географическим термином) // Ономастика и грамматика. М.: Наука, 1981.

Зализняк, 1967 – З а л и з н я к А. А. Русское именное словозменение. М.: Наука, 1967.

Комков, 1976 – К о м к о в А. М. Проблемы стандартизации (нормализации) географических названий в национальном и международном аспектах // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976.

Лабунько, 1964 – Л а б у н ь к о О. И. Склонение географических названий в современном русском литературном языке (наименование населенных пунктов) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.

Реформатский, 1960 – Р е ф о р м а т с к и й А. А. О подаче и передаче географических названий на русских картах // Транскрипция географических названий: Труды совещания, соед. 28–31 янв. 1959 г. М., 1960.

Реформатский, 1972 – Р е ф о р м а т с к и й А. А. Перевод или транскрипция? // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972.

Селезнёва, 1972 – С е л е з н ё в а Л. Б. Аналитизм в системе собственных географических имен русского языка // Грамматика русского языка. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1972. Вып. 1.

Словарь, 1970 – С л о в а р ь ударений для работников радио и телевидения /Под ред. Д. Э. Розенталя. М.: Сов. энциклопедия, 1970.

Словарь, 1984 – С л о в а р ь ударений для работников радио и телевидения /Под ред. Д. Э. Розенталя. М.: Рус. яз., 1984.

Вильнюсский государственный
университет
Кафедра русского языка

Февраль 1989